

Кызласов И.Л.
(г.Москва)
РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ НА ДВУХ ПОЯСНЫХ НАКОНЕЧНИКАХ

Широкое использование рунического письма раннесредневековыми тюркскими народами Южной Сибири сегодня уже не может вызывать никаких сомнений. Обозревая сферы применения этой письменности, доступные нам благодаря сохранившимся надписям и текстам, мы легко замечаем, что обычай нанесения надписей на предметы не был явлением обыденным. Наибольшее число резных письмен ныне известно на зеркалах, заметно меньшее — на пиршественных сосудах, совсем малое — на монетах. Исключительно редки и рунические надписи на металлических частях поясов: таких случаев пока известно лишь три, и все они связаны только с наконечниками ремней. Варианты прочтения двух из них, предлагаемые на этих страницах, несмотря на малочисленность и чрезвычайную краткость самих рунических текстов, думается, позволяют понять их назначение и, следовательно, дополнить знания о культуре тюркских народов средневековья.

1

Первой более 100 лет назад была издана надпись, вырезанная на лицевой поверхности бронзового наконечника ремня из коллекции Минусинского музея (ныне инв. № 6136) (Donner O., 1892, S. 3, 65). О. Доннер по данным финской экспедиции 1889 г. указывал, что предмет передан в музей инженером Лопатиным (очевидно, известным местным собирателем древностей Инн. Лопатиным) и был найден в 1871 г. у с. Копёны (Хакасия). Под этим адресом надпись фигурировала в ранних рунологических работах (Radloff W., 1893, S. 346; Orkun H.N., 1939, s. 171; 1989, s. 363) и вошла в список источников "Древнетюркского словаря", получив индекс Е 80 (Древнетюркский словарь, 1969, с. XXV). Однако, согласно современной музейной описи, изделие происходит из окрестностей с. Беллык, стоявшего на правом берегу Среднего Енисея против с. Копёны, с чем, вероятно, и связана ошибка предыдущих указаний. До 1983 г. изображений самого предмета не издавалось, воспроизводились и обсуждались лишь знаки надписи. На этом этапе наиболее точной была запись О. Доннера. Выполненная до дешифровки рунического письма, она лишь напрасно передавала поперечную царапину на первой букве. Увеличенный, безмасштабный и схематичный рисунок предмета с верно понятой надписью опубликовал Д.Д.Васильев, описавший изделие, указавший точное место его находки и приведший библиографию (в которую, вероятно, не поняв отсылку В.В. Радлова и не работая с самим изданием, ошибочно включил альбом финской экспедиции "Inscriptttons de l'lenissei") (Васильев Д.Д., 1983, с.42, 73). Другое изображение наконечника с надписью было издано в 1994 г. (Кызласов И.Л., 1994а, рис. 33, 2).

Надпись пытался прочесть только В.В.Радлов (Radloff W., 1893, S. 346). Однако, встретив в строке из трех знаков сочетание рун и для твердых, и для мягких звуков (не допускавшихся в одном слове как по нормам тюркской речи, так и по правилам рунического правописания), и не будучи знаком с подлинником, великий тюрколог решил, что воспроизведение передает конец несохранившейся надписи. В этом он явно предпочел правила своей науки мнению О.Доннера, который справедливо считал надпись полной, но указал это только графически, в соответствии с принятыми им условными знаками (Donner O., 1892, S. 3, 65). Увидев в первом знаке О. Доннера явно лишнюю черту, В.В.Радлов отбросил и второй, необходимый отводок, поскольку был сбит с толку чрезмерно сильным прогибом основного ствола руны в записи коллеги. Так первая буква оказалась превращена в зеркально повернутую твердорядную руны , начинавшую, по Радлову, последний слог первого неизвестного слова — ...лу. Третий мягкорядный знак г был прочитан как полное слово ег. Получилось "Мужчина ...ну"

Предпочтение В.В. Радловым правил своей науки перед чужими данными проявилось и в подходе тюркологов — создателей "Древнетюркского словаря". Хотя двое из них бывали в Минусинском музее, но, очевидно, не придавали значения кратким надписям на предметах и не видели подлинника, поскольку в издании вновь отмечена "сохранившаяся часть надписи из трёх рун" (Древнетюркский словарь, 1969., с. XXV). Между тем, стоит лишь увидеть условия нанесения надписи на наконечнике ремня, как всякие сомнения в фрагментарности текста отпадают сами собой. Ясность в литературу внесла публикация Д.Д.Васильева, предложившего верную транслитерацию этого краткого текста (Васильев Д.Д., 1983, с. 42, 73). Прочтение надписи было издано только в 1994 г. (Кызласов И.Л., 1994а, с. 201), однако, в литературе до сих пор нет подробного разбора этого письменного памятника.

Несмотря на то, что гладкая поверхность изделия (размерами 3,5 x 1,6 см) предоставляла достаточно места для удобного размещения букв, надпись заметно теснится, начинаясь от самого края (рис 1-1). Объяснить эту необычную позицию знаков, вероятно, помогает другое явное композиционное несоответствие надписи. Несмотря на то, что она читается справа налево, её последний третий знак начертан свободно и широко, а две предшествующих ему руны, которые, казалось, должны быть вырезаны ранее, явно зависят от его расположения. По размещению сжатой с боков первой руны и едва вошедшей между и (с размещением над строкою) второй по порядку буквы можно заключить, что они наносились тогда, когда руна уже заняла свое место на бляхе. Объяснить всё это можно только одним — три знака надписи были нанесены в два приёма: сначала , а затем (справа налево) . Иными словами здесь две слившихся надписи, точнее, более поздняя приписка к уже имевшемуся граффито (рис.1-1, 2).

Предположение подтверждается тем, что отдельно взятая буква представляет запись вполне подходящего к случаю полного слова ег "мужчина, воин" (что мы уже видели по чтению В.В. Радлова). Единственной буквой это слово бывает вне контекста иногда нанесённым на скалы (Тепсей IV, Майдаши,

Перевозная, Хая-Бажи XIV, Ялбак-Таш XXX) (Адрианов А.В., 1904, № XIX, XVI, XXIX-IV; Кляшторный С.Т., 1976, с. 69, рис. 4) или, что гораздо важнее для нас ныне, на дно оеребряного сосуда из Хакасско-Минусинской котловины (Мелиоранский П.М., 1902, с. 020, табл. 1; Кызласов И.Л., 1991, с. 162; 1994а. рис. 34, 1). Обозначая свободного полноправного мужчину, первая нанесенная на беллыкский наконечник надпись (Y, Е 80/1, рис. 2) по содержанию вполне соответствует, как увидим, разобранный далее надписи барбургазинской ремённой бляхи.

Другой человек, ставший, по-видимому, позднее новым владельцем пояса, дополнил надпись двумя знаками (Y, Е 80/2) так, что старая руна стала окончанием нового слова (рис.1-1). Это слово *sig* — обозначение титула и чина, нередко служившего и мужским собственным именем (Древнетюркский словарь, 1969, с. 157). Термин, весьма широко встречающийся в азиатских рунических надписях, не был узан предшественниками по уже отмечавшейся орфографической причине: здесь в одном слове сошлись буквы как для твёрдого гласного Y, так и для мягкорядного согласного Y. По нормам классического рунического правописания это слово пишется иначе — Y Y (через твёрдорядный вариант Y для г).

Наблюдаемое нарушение правописания, быть может, было до некоторой степени вызвано прослеженной составной природой надписи - второй резчик приновил свою часть к уже имевшейся. Однако нельзя не отметить, что сделано это было намеренно. Понять ситуацию позволяет недавно осознанное многообразие существовавших в енисейских надписях типов правописания. Кроме классической рунической орфографии, выделено две других системы письма, заметно отличавшихся от него по принципам передачи речи: полногласное и псевдоруническое правописание (Кызласов И.Л., 1996; 1997). Для последнего характерно написание согласных знаков, не соответствующих рядности гласных в слове. При чём практически всегда с твёрдыми гласными выводились руны для мягкорядных согласных. Наиболее явно такую картину воссоздают некоторые надписи Горного Алтая, открытые В.Д. Кубаревым и В.А. Кочевым: эпитафийные стелы Бар-Бургазы I и II, наскальная надпись Ялбак-Таш XXXIII. Псевдоруническая орфография, столь долго не позволявшая тюркологам прочесть многие надписи, проявилась и в других наскальных текстах, не только Алтая (Бичикту-Бом II/2), но и Хакасско-Минусинской котловины (Туба II, Е 36/3) (Кызласов И.Л., 1997, с. 177-183). Теперь в этот ряд следует поставить и краткое граффити беллыкского наконечника (Е 80/2).

Изучаемая надпись не может быть датирована палеографическими средствами. Подобия самому бронзовому гладкому наконечнику, имеющему, как обычно, с внутренней стороны две заклёпки, относятся к широким временным пределам. К тому же изделие истёрто, оно долго находилось в обращении. Однако, судя по старой фотографии Н.М.Мартыанова, сохранившейся в музее, наконечник с надписью первоначально мог войти в набор с сердцевидными бляшками с изображением мифической собаки или, скорее, льва (Кызласов Л.Р., Король Г.Г., 1990, рис. 54, 1-3). Облик изделий позволяет относить их к X в.

Вторая надпись на ремённом наконечнике найдена С.В.Киселёвым в 1935 г. в кургане 1 могильника Курай IV на Горном Алтае. Эта знаменитая надпись "господина Ак Кюна" в действительности не проста для понимания и прочтения. Как помним, и сам С.В.Киселёв предлагал лишь частичную расшифровку резных знаков (Киселёв С.В., 1939, с. 284; 1951, с. 536, табл. L, 4; Евтюхова Л.А., Киселёв С.В., 1941, с. 103, рис. 40¹ табл. II, рис. 1). Не смог понять надпись и указавший на ошибки предшественника А.К. Боровков (Боровков А.К., 1963, с. 194, рис. 3). Хотя работа с подлинником ещё не завершена, с моей точки зрения также нет в той изогнутой строке ни "кушака", ни "господина", ни имени самого Ак Кюна.

2

В 1979 г. В.Д. Кубаревым в верхнем течении р. Барбургазы был раскопан древнетюркский курган. Могильник был назван Барбургазы III, курган получил номер 9. В 1997 г. Г.В. Кубаревым были частично опубликованы сделанные в кургане находки — остатки ремней наборного пояса, портупей и обуви, как и относящиеся к ним, вероятно, серебряные бляшки, пряжки, наконечники, распределительные кольца, железные части сумочки-каптаргака (Кубарев Г.В., 1997, с. 208-212, рис. 1 и 2)¹ Отдельная таблица представляет рисунки пряжки и наконечника от пояса, щитки которых, как выяснилось при камеральной очистке предметов, с обеих сторон покрыты резными знаками и многочисленными царапинами. Особое внимание автора привлекла краткая руническая надпись, обнаруженная им на оборотной стороне наконечника. Хотя изданная прорисовка передает надпись вместе с иными существующими на предмете резами, не имеющими отношения к руническим буквам, а текст заметки, к сожалению, не содержит описания характера борозд граффити и наблюдений над очередностью их нанесения на поверхность, всё же тщательно сделанная копия предоставляет определенные возможности для прочтения этого краткого текста.

Вопреки мнению Г.В. Кубарева, высказанному с некоторой неуверенностью, надпись, судя по рисунку (рис.1-3), состоит не из 7, а только из четырех букв, вырезанных и, следовательно, читаемых справа налево:

Y Y Y (рис.1-4). Направление письма здесь определяется не только согласно общеизвестной традиции азиатских рунических надписей, но и проистекает из конкретных особенностей размещения букв и их размеров. Начальные (правые) знаки, как это и бывает обычно, высоки и широки, а последний (левый) знак, теснящийся около левой заклёпки наконечника, мельче и уже. По воспроизведению не ясен облик второго и четвёртого из этих знаков. Хотя точный их вид много значит для палеографической оценки надписи, но вероятные варианты восприятия этих букв, как увидим, не влияют на содержание предлагаемого прочтения.

Вторая буква надписи может быть Yš или, если верхняя косая черта на рисунке не относится к руне, Последний, четвёртый знак, наиболее вероятно, — Yš/s, нижний отводок которого остался не замеченным

¹Благодарю Вадима Владимировича Горбунова, предоставившего мне эту публикацию. Могильник в ней назван Барбургазы II, что, вероятно, опечатка, поскольку в архивной документации первооткрывателя он всюду именуется третьим (Кубарев В.Д., 1979, с. 10-12, рис. 76-78, 85-88).

издателем. Иное восприятие этой буквы ничего не даёт для прочтения.

В зависимости от облика второй буквы надпись правдоподобно прочесть как (e)rs(i)g или, менее вероятно, как (e)rc(i)g. Прилагательное ersig "мужественный, доблестный" в раннесредневековых тюркских текстах известно и в значении существительного "мужественный (воин)" (Древнетюркский словарь, 1969, с. 181). Так оно употреблено и в нашем случае. Этимологически слово восходит к существительному ег "мужчина" (производные — "муж, воин, герой") и образовано присоединением аффикса -sig, создающего прилагательные уподобления. Буквально такая форма означает "подобный мужчине", но употребление её в этом первоначальном смысле в средневековье было уже второстепенным (Древнетюркский словарь, 1969, с.181) и не может подходить к надписи на воинском поясе.

При чтении еrc(i)g возникает лишь иной звуковой вариант того же аффикса (Древнетюркский словарь, 1969, с. 650, 662). Быть может, нет основания для предпочтения той или другой формы, поскольку аффикс -sig/-cig подчас имеет разный вид даже в рунических (орхонских) надписях одного автора: на стеле Кюль-тегина он имеет форму с начальным č (*čadinčiy* "особый"), а Бильге-кагана — с начальным s (*ödsig* "дорогой") (Кононов А.Н., 1980, с. 110, § 162), хотя оба текста составлены Йоллыг-тегином. По-видимому, это связано с закрепившимся к тому времени цельным звучанием того или иного слова, уже утратившего в речи остроту восприятия своей составной природы. И всё же, судя по "Древнетюркскому словарю", обычным произношением разбираемого слова "мужественный" было ersig (разновидности еrcig тезаурус не содержит).

Если подтвердится употребление в надписи буквы шš/s, это будет указывать на принадлежность барбургазинского граффито к енисейскому алфавиту. К этому палеографическому заключению нас подводит и особенность применения последнего знака резного текста.

Последний четвертый знак разбираемой надписи не имеет звукового значения. Эта буква нередко применяется в надписях алтайского варианта енисейского письма для обозначения конца слова, завершения устойчивого словосочетания, окончания фразы или всей надписи. Такая верная отличительная особенность письма и помогает опознать руну в опубликованной прорисовке. Поскольку указанная орфографическая манера по имеющимся данным более всего присуща енисейским надписям Алтая и Северо-Западной Монголии (см., например: Кызласов И.Л., 1996, с.127, рис. 5, 1; 1997а, 179-181, рис. 7, 8, 7; Кляшторный С.Г., 1973, с. 335, рис; Шинэхуу М., 1971, с. 140, рис.), она позволяет уверенно говорить о том, что надпись на наконечник ремня нанес местный житель. В остальном граффито выполнено в нормах классического рунического правописания.

Палеографические и орфографические данные маленькой рунической надписи порождают большую историко-культурную проблему. По палеографическим соображениям уже приходилось отмечать, что население Алтая восприняло енисейское письмо не позднее второй половины VIII — начала IX в., а его последующее особенно широкое распространение увязывалось с известными политическими событиями второй половины IX в. — созданием в Южной Сибири мощного единого государства во главе с правящим родом кыргызы, включившего в себя и Алтай. Именно в Древнехакасском государстве енисейский алфавит был официальным письмом и именно к енисейскому типу принадлежат единичные эпитафийные стелы Горного Алтая (Кызласов И.Л., 1994б; 1997б). До этого времени тюркоязычные жители Алтая знали и использовали орхонское письмо младшего извода. Об этом свидетельствуют как надписи смешанной палеографии (когда в енисейскую по знакам надпись писец включал изначально знакомые ему орхонские буквы) (Кызласов И.Л., 1994а, с. 83-91, 172), так и две надписи целиком выполненные собственными орхонскими буквами второй трети VIII в. (Кызласов И.Л., 1995; Кызласов Л.Р., 1997, с. 110-112).

Разбираемая барбургазинская надпись, как мы видели, принадлежит алтайскому варианту енисейского письма, т.е. по существующим палеографическим приметам должна была бы появиться не ранее второй половины VIII в. Между тем, публикующий этот письменный памятник Г.В. Кубарев по совокупным признакам найденных с поясом предметов относит захоронение в кургане 9 к значительно более раннему времени - ко второй половине VII-VIII в. Как разрешить противоречие между палеографическими и археологическими определениями?

Начну с того, что хронологические основы палеографии алтайских надписей построены на фактах воздействия енисейского письма на орхонское, т.е. явлении, первоначально отмеченном для надписей Уйгурского каганата (Кызласов И.Л., 1994а, с. 80-93, 160-162) и увязанном с известными датами его существования (745-840 гг.). Эти наблюдения, к тому же, вполне согласуются с тем, что енисейское письмо, как установлено археологически (Кызласов Л.Р., 1960, с. 97-100), а недавно подтверждено и палеографически (Кызласов И.Л., 1998, с. 68-72), применялось в Тувинской котловине ранее ее захвата древнехакасскими войсками — уже во второй половине VIII — начале IX в. Следовательно, допуская подобное в более широких размерах, правомерно полагать, что и на Алтае енисейский алфавит мог применяться еще и в уйгурский период местной истории. И хотя ныне все яснее проявляется палеографическое единство надписей Алтая и Северо-Западной Монголии в рассматриваемый период, всё же следует признать, что для постижения этапов алтайской письменной культуры обоснованно привлечены наблюдения над сходными процессами в соседних землях и странах. Но таково уж состояние местных источников.

Выход енисейского письма за первоначальные пределы Хакасско-Минусинской котловины в эпоху, предшествующую политическому объединению Южной Сибири, сегодня следует, пожалуй, связывать с причинами культурно-идеологического характера — с официальным принятием на Енисее манихейской религии. Она и применяла, и, в силу своей книжной направленности и рьяной миссионерской устремленности, распространяла по Южной Сибири эту руническую азбуку. Обращение Древнехакасского государства в манихейскую веру, как показывают археологические данные, произошло под уйгурским воздействием, т.е., вероятно, вскоре после 763 г. (Кызласов Л.Р., 1998).

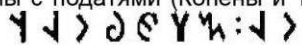
Решая вопрос о времени создания разбираемой барбургазинской надписи, следует, с другой стороны, учитывать, что и археологические датировки могут оказаться не вполне точными. Опубликованные изделия из кургана 9 не представляют всего набора находок и, следовательно, пока не позволяют читателю самостоятельно судить о хронологии памятника с необходимой уверенностью. Но то, что мы видим на рисунках Г.В. Кубарева,

полагаю, может быть отнесено и к VIII — началу IX в. (ср., например: Распопова В.И., 19679, с. 109-112; Археология СССР, 1981, рис. 19, 67-83, 20, 57, 65-67, 69, 70, 24, 22, 30, 42, 43, 45, 46). Так или иначе, на нельзя не признать, что датирование куршнов, содержащих письменные памятники, требует особого внимания. В нашем случае это важно не только для разрешения обрисованной историко-культурной алтайской ситуации, но и в связи с куда как более общей проблемой — по сей день ни в Сибири, ни в Центральной Азии науке не известно ни одного рунического памятника VII в. (Кызласов И.Л., 1994а, с. 81, 164). Возьмётся ли, осознав это, Г.В. Кубарев настаивать на предложенной датировке кургана 9? Необходим полный и подробный разбор столь значимых археологических материалов.

Напрасно Г.В.Кубарев обмолвился, что надписи на оборотной стороне ремённых наконечников находят часто. Полевое и камеральное открытие В.Д. и Г.В. Кубаревых важно и потому, что предоставляет рунической эпиграфике всего лишь третью подобную находку.

* * *

Разобранные надписи на двух ремённых наконечниках позволяют отметить ряд сближающих их обстоятельств, по-новому освещающих использование наборных поясов у раннесредневековых тюркских народов. Прежде всего, судя по резам и надписям, и барбургазинский пояс, как справедливо отметил Г.В. Кубарев, и набор с беллыкским наконечником не раз меняли владельцев, переходя из рук в руки. К тому же надписи на концевых бляхах, строго говоря, не выглядят владельческими: *ersig* (или *erġig*) "мужественный", *er* "эр (муж-воин)", *ġig* "(титул) чур". И та, и другая особенность напоминает картину, выявленную для мужских серебряных пиршественных сосудов — многократно меняя хозяев, они всякий раз снабжались новыми тамговыми знаками и надписями. Приведу для примера вид донца такого кубка, найденного А.М.Илюшиным в Кузнецкой котловине. На нём вырезаны шесть разных личных тамг (рис.1 - 5), четыре из которых свидетельствуют о передаче питейной чары внутри двух разных семейств, по-видимому, от дяди к племяннику², Разными инструментами, а значит и людьми, вырезаны тамга и надпись катандинского сосуда Дважды наносились и тамги, и надписи на туяхтинский кубок. Чарка из Хакасско-Минусинской котловины имеет три надписи (одна из которых *er* *ġig*), тамгу и некий знак сбоку поддона (Кызласов И.Л., 1991; 1994а, рис. 34, 1).

В двух случаях надписи на донцах сосудов связаны с податями (Копёны и Туяхта). Но общую ситуацию проясняет одна из строк серебряного хакасского кубка: *Atliŋ bol : inlig boluŋ* "Будь(те) имеющим имя, будьте имеющим тамгу" (Кызласов И.Л., 1994а, с. 202, рис. 34). Следует думать, что при обряде наречения взрослого имени (*er atı*) юноша, становясь полноправным членом общества — эром, наделялся и личным гербовым знаком-тамгой и, допускаясь к мужским собраниям, получал личную пиршественную чашу (ср. разнообразие кубков в руках у изваяний). Ныне, после разбора надписей на ремённых наконечниках, указывающих не конкретные имена своих владельцев, а лишь в общей форме определяющих их как мужей-эров, можно предположить, что на том же посвятельном обряде новоявленному воину вручался и четвёртый знак его возросшего общественного положения — наборный пояс.

Восстанавливая обряд возведения юноши в эры, к нему сегодня следует добавить и ещё одну ритуальную черту. В ряде случаев при этом на вполне определённых местах столь значимых даров делались надписи. На сосудах на донце, на поясах — на наконечнике ремня. Быть может, подобное происходило и при наделении чинами, поскольку только из их названий состоят надписи на катандинском кубке и последнее графито на беллыкском ремённом наконечнике.

Вполне очевидно, что со временем пиршественный кубок и воинский пояс могли быть переданы, и не раз, другому мужчине (что следует учитывать археологу при датировке находки)³. При каких обстоятельствах это происходило нам не известно. Нужно надеяться, что на этот вопрос помогут ответить будущие находки рунических надписей.

Литература и источники

1. Адрианов А.В., 1904. Писаницы (Отчёты за 1904 год). Рукопись // Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета, инв №55.
 2. Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. - М., 1981.
 3. Боровков А.К. Енисейские надписи на сосудах // Тюркологические исследования. - М.-Л., 1963.
 4. Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических надписей бассейна Енисея. - Л., 1983.
 5. Древнетюркский словарь Редакторы В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М.Щербак. - Л., 1969.
 6. Евтюхова Л.А., Киселёв С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды Государственного Исторического музея. - М., 1941. - Вып. XVI.
 7. Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г. Могильник Сапогово - памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. - Новосибирск, 1992.
 8. Киселёв С.В. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция 1935 г // Советская археология. - М.-Л., 1939 -Т I.
 9. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. - М., 1951.
 10. Кляшторный С.Г. Монета с рунической надписью из Монголии // Тюркологический сборник. 1972 - М., 1973.
-
- 2 Авторы публикации ограничились прорисовкой только двух тамг (Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г. 1992, с 15, 28, 40, 83, 109, рис. 44, 2). Благодарю Андрея Михайловича Илюшина за предоставленную мне возможность изучить подлинник и издать свои наблюдения.
 - 3 Подобное отмечено для сбруйных наборов, вероятно, передававшихся из рук в руки при женских свадебных обрядах. В аскизских женских курганах XI-XII вв. встречаются старые, типичные туюхтские бронзовые бляхи IX-X вв. (Кызласов И.Л., 1980, с. 159-161, рис. 11).

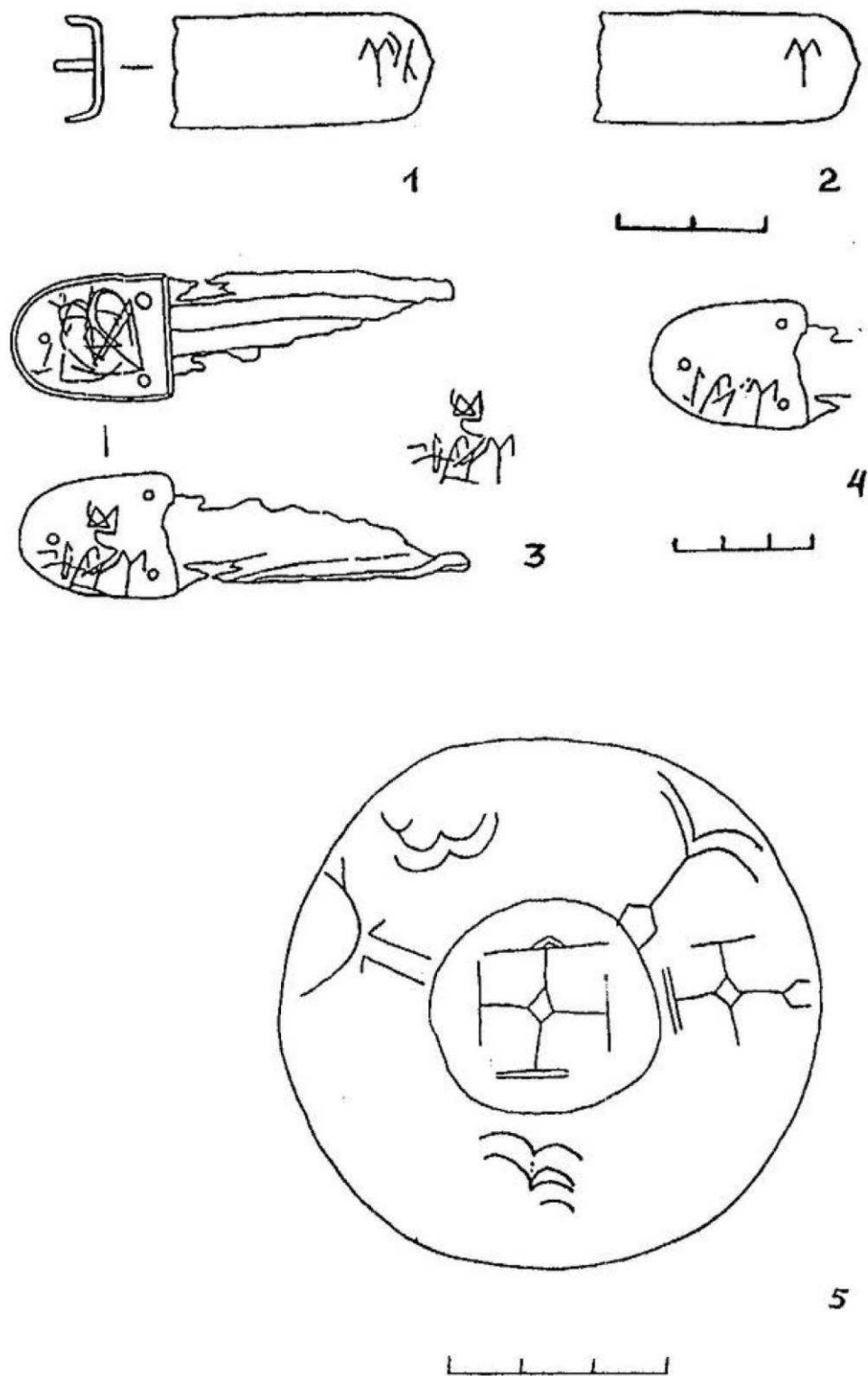

Рис. 1